

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

❧ · Чингисхан · Хроники завоевателя · ❧

ВОЛК РАВНИН

ПОВЕЛИТЕЛИ СТРЕЛ

КОСТИ ХОЛМОВ

ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА

ЗАВОЕВАТЕЛЬ

К О Н Н
ИГГУЛЬДЕН

Волк равнин

Повелители стрел

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
И 26

Conn Iggulden
WOLF OF THE PLAINS
Copyright © 2007 by Conn Iggulden
LORDS OF THE BOW
Copyright © 2008 by Conn Iggulden
All rights reserved

Перевод с английского
Наталии Некрасовой, Инессы Метлицкой
Оформление обложки Егора Саламашенко
Карты выполнены Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-21011-0

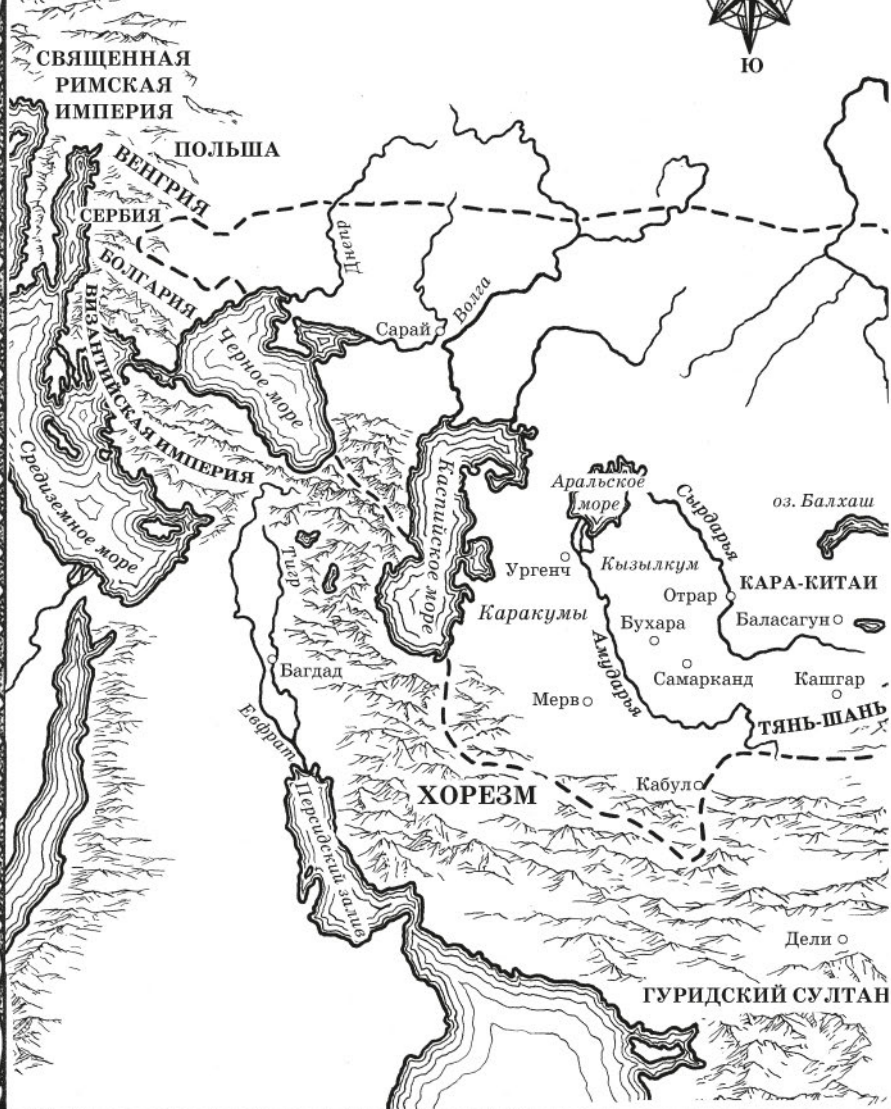
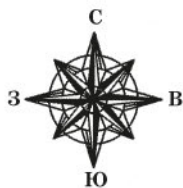
© Н. В. Некрасова, перевод, 2010
© И. А. Метлицкая, перевод, 2010
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

❧ · Волк равнин · ❧

Эта книга никогда бы не была написана без народа Монголии. Без людей, позволивших мне жить среди них и рассказывавших о своей истории за чаем с солью и водкой, пока зима плавно перетекала в весну.

Особая благодарность Мэри Клементс за советы о лошадях и Шейле Броутон, чьи великолепные научные работы позволили написать большую часть этого романа.

ТЕРРИТОРИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ
ПРИ ЧИНГИСХАНЕ

0 200 400 600 800 1000 мили
0 400 800 1200 1600 км

Лена

Енисей

ТАЙЧИУТЫ

Онон

Амур

Иртыш

НАЙМАНЫ

КЕРАИТЫ

МОНГОЛЫ

ИМПЕРИЯ
ВЕЛИКОГО
ХАНА

Алтай

МЕРКИТЫ

Каракорум о Аврага

оз. Байкал

Керулен

ОНГУТЫ

ИМПЕРИЯ
ЦЗИНЬ

ИМПЕРИЯ
ЧАГАТАЯ

пустыня
Гоби

Шанду о

Пекин о

оз. Иссык-Куль

УЙГУРЫ

о Хара-Хото

ТАНГУТЫ

Иньчуань

Хурин-Хез

Горы

пустыня
Такла-Макан

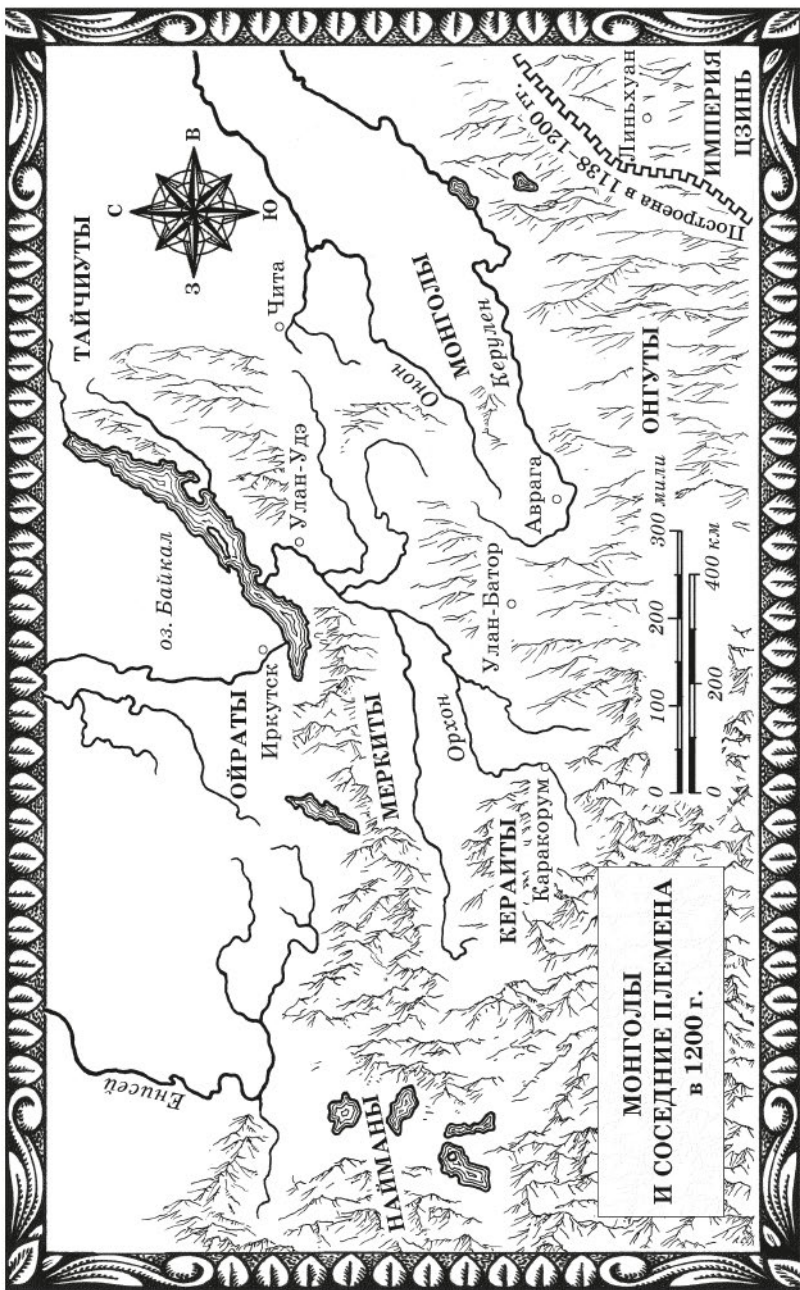
ТИБЕТ

Желтое
море

Янцзы

СУН

АТ

Моим братьям Джону, Дэвиду и Хэлу

Свора правителей — зло,
Царь один должен быть у народа.

Гомер. Илиада

ПРОЛОГ

Бесновалась метель, залепляя колючим снегом глаза воинов. Монгольские лучники окружали татарский отряд. Их низкорослые лошади чутко повиновались легким движениям колен. Монголы, привстав на стременах, в полном молчании выпускали стрелу за стрелой и точно попадали в цель. Сквозь завывания ветра были слышны только вопли раненых и топот коней. Татарам не было спасения от смерти: она со свистом летела на темных крыльях битвы со всех сторон. Лошади с диким ржанием падали на колени, из ноздрей их текла яркая кровь.

Стоя на выступе желто-серой скалы, Есугэй следил за ходом боя, плотно укутавшись в меха. Стоголосым демоном был над равниной ветер, обжигая его кожу там, где она не была смазана бараньим жиром. Есугэю все было нипочем. Он уже столько лет вел такую жизнь, что почти ничего не чувствовал. Суровая природа была частью его жизни, как и воины, которыми он повелевал, как и враги, которых он уничтожал.

Есугэй презирал татар, хотя и отдавал противникам должное: им было не занимать мужества. Он увидел, как они сплотились вокруг молодого воина. Услышал его голос, перекрывший даже вой ветра. Татарин был в кольчуге. Есугэй и сам страстно желал иметь такую кольчугу. Он завидовал врагу. А тот остановил своих всадников резкими окриками и не позволил им броситься врассыпную. И тогда Есугэй понял, что пора вступить в дело ему самому. Его арван — девять лучших воинов племени, кровных братьев и сородичей — почувствовал это. Его товарищи, достойные носить дорогие доспехи из вареной кожи с вышитым на них скачущим волком.

— Вы готовы, братья мои? — спросил Есугэй, чувствуя на себе взгляды соратников.

Одна из кобыл взволнованно заржала, а его первый воин, Илак, усмехнулся.

— Ради тебя мы перебьем их, младший брат, — сказал он, почесывая лошадь меж ушами.

Есугэй ударил коня пятками, и они легкой рысью двинулись в сторону кипевшей битвы. С высоты они видели яростную круговерть пурги и ощущали злобную силу ветра и снега, что также участвовали в схватке. Есугэй, глядя на простертую над хрупкими фигурками воинов руку Отца-неба, из которой сыпался лед, в благоговейном ужасе зашептал молитву.

Воины перешли в галоп, не перестраиваясь и даже не задумываясь об этом, поскольку каждый с младенчества умел оценивать расстояние. Они думали только о том, как ловчее скинуть врага с седла и быстрее бросить его тело остывать на равнине.

Арван Есугэя врезался в самую гущу сражения, устремляясь к татарскому предводителю, который раскрыл себя лишь в последние мгновения. Если тот останется в живых, то, возможно, станет для своего племени факелом, за которым все и последуют. Конь Есугэя налетел на какого-то татарина, и монгол усмехнулся. Сегодня этот факел угаснет.

Страшный удар — и спина татарского воина переломилась как раз в тот миг, когда он повернулся лицом к новой опасности. Есугэй, держась за гриву коня, наносил удары мечом направо и налево, и враги падали мертвыми, словно осенние листья. Два раза он поберег отцовский клинок: одного противника затоптал конем, а другого — ударил рукоятью, как молотом. И тут Есугэй оказался в самой гуще сражающихся татар. Девять воинов Есугэя были по-прежнему с ним, оберегая жизнь своего хана согласно клятве, данной еще в детстве. Даже не оборачиваясь, он знал, что спина его прикрыта. Об этом говорил и мечущийся взгляд татарского предводителя. Тот видел свою смерть на их плоских ухмыляющихся лицах. А вокруг лежали мертвые, пронзенные стрелами тела его воинов. Татары были разбиты.

Есугэй обрадовался, заметив, что татарин поднялся в стремених и показал на него длинным окровавленным клинком. В глазах его не было страха — лишь гнев и досада, что этот день не

принес ему удачи. Сегодняшний урок уже не пойдет на пользу холодеющим трупам, но Есугэй знал, что татарские племена скоро поймут значение этого разгрома. Когда наступит весна, они найдут почерневшие кости своих воинов и больше не осмелятся угонять его стада.

Есугэй и татарин смотрели в глаза друг другу. Есугэй ухмылялся, татарин хмурился. Нет, проигравшие ничему не научатся. Уж если татарину что-то взбрело в голову, то он лучше умрет, чем откажется от своей идеи. Назло. Проигравшие сегодня, они вернутся завтра, и Есугэй опять будет сражаться и проливать еще больше поганой крови. Впрочем, эта мысль была ему приятна.

Он разглядывал татарина, бросившего ему вызов. Совсем молодой. Есугэй вспомнил о своем ребенке, который сейчас, должно быть, появляется на свет там, за восточными холмами. Он размышлял о том, не суждено ли и его сыну когда-нибудь увидеть лицо седого закаленного воина на расстоянии клинка, грозящего смертью.

— Как твое имя? — прокричал Есугэй.

Сражение вокруг них уже стихло, монголы бродили среди трупов, снимая с них все ценное. Ветер завывал с прежней силой, но вопрос был услышан, и Есугэй отметил, что его юный противник на мгновение нахмурился.

— А твое, хрен ячий?

Есугэй хмыкнул. Он уже устал, кожу на лице начало саднить от ветра. Монголы шли по следу татар почти два дня, без сна и отдыха, питаясь только размоченным грутом¹. Меч Есугэя был готов забрать еще одну жизнь, и монгол поднял клинок.

— А тебе что за дело, мальчишка? Иди ко мне.

Возможно, татарский воин увидел в глазах Есугэя что-то более страшное, чем стрела, от которой можно увернуться. После краткого размышления татарин кивнул:

— Мое имя Тэмучжин-Уге. За мою смерть отомстят. Я сын великого рода.

Он ударил коня пятками и устремился к Есугэю. Меч хана свистнул в воздухе один-единственный раз. Тело татарина упало к ногам Есугэя, а конь его понесся по полю.

¹ Грут — твердый сушеный творог. (Здесь и далее примеч. перев.)

— Ты пожива для стервятников, мальчишка, — произнес Есугэй. — И такая судьба уготована каждому, кто осмелится угонять мои стада.

Он обвел взглядом собравшихся воинов. Сорок семь человек покинуло свои юрты по зову Есугэя. Четырех бойцов они потеряли, зато ни один из двадцати татар домой уже не вернется. Цена набега, конечно, высока, но зима всегда доводит людей до крайностей.

— Общайте трупы, да побыстрее, — приказал Есугэй. — Домой возвращаться поздно. Переночуем под скалами.

Металл и луки были весьма ценной добычей. Их можно продать или взять себе вместо сломанного оружия. Но если не считать кольчуги, нынешняя добыча была скудной. Это еще раз подтверждало догадку Есугэя: татары, которых они разбили, были просто юными воинами, которые пошли в набег, чтобы снискать славу. Они не намеревались биться насмерть на этой твердой как камень земле. Он поймал брошенную ему окровавленную кольчугу и обернул вокруг передней луки седла. Кольчуга была превосходной и могла защитить от кинжала. Кем же был этот молодой воин, раз владел такой дорогой вещью? Есугэй непрерывно повторял про себя его имя. А потом пожал плечами и решил, что имя убитого уже не имеет значения. Он обменяет свою долю коней на крепкое питье и меха, когда племена сойдутся для торга. Если не считать пробирающего до костей холода, день выдался удачный.

Метель не утихла и на следующее утро. Есугэй и его люди возвращались в улус¹. Только выделенные на случай нападения караульные ехали налегке, остальные были так нагружены мехами и добычей, что казались совершенно бесформенными и почти целиком покрылись слоем грязного льда и бараньего сала.

Племя выбрало хорошее место для улуса — у подножия каменистого холма, покрытого лишайником. Среди снегов юрты были почти незаметны. Совсем стемнело, лишь тусклый свет за спиной у воинов пробивался сквозь клубящиеся облака снеж-

¹ *Улус* — родо-племенное объединение с определенной территорией, подвластное хану. (Примеч. ред.)

ной пыли. Однако их возвращение заметили глазастые мальчишки, следившие, чтобы под покровом ночи никто не застал племя врасплох. Есугэй возрадовался, услышав звонкие голоса, возвещающие о прибытии воинов.

«Женщины и дети племени вряд ли успеют нас встретить», — подумал он.

Такими холодными ночами женщины просыпаются лишь для того, чтобы поддержать огонь в очагах. А время подниматься настанет часа через два, когда колючий снег выпустит из своих объятий большие сонные жилища из жердей и войлока.

Когда кони подошли ближе, Есугэй услышал крик, поднявшийся из юрты Оэлун подобно серому дыму, и от нетерпеливого ожидания его сердце часто-часто забилося. Смерть всегда ходит так близко к новорожденным! У него уже был сын, еще младенец, но хану надобно столько наследников, сколько сможет вместить его юрта. Есугэй зашептал молитву, прося еще об одном мальчике, о брате первому.

Хан услышал, как высоким резким голосом закричал в юрте ястреб, и спрыгнул с седла. Его кожаные доспехи поскрипывали при каждом шаге. Он едва заметил, как подхватил поводья закутанный в меха слуга, всегда стоящий наготове. Есугэй распахнул деревянную дверь и вошел в юрту. Снег на доспехах мгновенно растаял от жары и стек вниз, оставив на полу лужицы.

— Ха! Вон пошли! — смеясь, отогнал Есугэй двух своих псов, в безумной радости прыгавших вокруг и норовивших лизнуть его в лицо.

Ястреб закричал, приветствуя хозяина. Но тот, конечно, понимал, что птица не так уж привязана к нему, скорее, ей хочется незамедлительно отправиться на охоту. Старший сын, Бектер, ползал в уголку голышом, играя твердыми катышками грута. Все это Есугэй заметил, не отрывая взгляда от женщины, лежавшей на мехах. Оэлун раскраснелась от жара очага, а глаза ее сияли в золотистом свете лампы. Красивое счастливое лицо блестело от пота. Она вытерла рукой лоб, оставив на нем пятнышко крови. Рядом возилась повитуха со свертком. По улыбке Оэлун Есугэй понял, что у него родился еще один наследник.

— Дай его мне, — потребовал Есугэй, шагнув вперед.

Повитуха попятилась, раздраженно поджав сморщенные губы.
— Ты раздавишь его своими лапищами. Пусть поест материнского молока. Потом, когда окрепнет, возьмешь на руки.

Однако Есугэй не мог удержаться. Вытянув шею, он смотрел на новорожденного. Навис над сыном, словно туча, в своих мехах. Повитуха положила ребенка и стала вытирать тряпками маленькие ручки и ножки. Младенец отчаянно завопил. А Есугэю показалось, что этим криком сын приветствует отца.

— Он узнал меня, — с гордостью произнес хан.

— Он еще слишком мал, — фыркнула повитуха.

Есугэй не ответил. Он с улыбкой глядел на краснолицего младенца, но вдруг его лицо перекопилось от злобы, и он грубо схватил старуху за плечо.

— Что у него в руке? — прошипел он.

Повитуха собиралась как раз вытирать маленькие пальчики. Под яростным взглядом Есугэя она осторожно разжала младенческий кулачок, открыв сгусток крови величиной с глаз. Черный комок вздрагивал от малейшего движения и маслянисто блестел. Оэлун приподнялась, чтобы увидеть, что так привлекло внимание Есугэя. Заметив черный сгусток, она застонала.

— У него в правой руке кровь, — прошептала она. — Всю жизнь он будет ходить со смертью рука об руку.

Резко втянув воздух, Есугэй пожалел, что жена не промолчала. Неосмотрительно привлекать внимание злой судьбы к только что родившемуся. Некоторое время он сидел молча, погруженный в размышления. Повитуха продолжала суетиться, вытирать и кутать младенца. Сгусток крови поблескивал на тряпках. Есугэй взял его, и комок задрожал на его ладони.

— Он родился со смертью в правой руке, Оэлун. Так и должно быть. Он сын хана, и смерть — его верный спутник. Он станет великим воином.

Младенца наконец отдали его измученной матери. И Есугэй наблюдал, как жадно малыш схватил сосок, лишь только его положили ему в ротик. Оэлун, поморщившись, прикусила губу. А хан все никак не мог успокоиться.

— Брось кости, матушка, — обратился он к повитухе. — Посмотрим, добро или зло принесет Волкам этот сгусток крови.

Взгляд его был холоден, и не стоило никому объяснять, что от этого гадания зависит жизнь младенца. Есугэй был ханом и не мог проявлять слабость. Только силы, только холодного разума ожидало от него племя. Он и хотел бы надеяться, что его слова отвратили зависть Отца-неба, однако страшился, что пророчество Оэлун все же исполнится.

Повивальная бабка потупилась. Она понимала, что в таинство появления наследника на свет вторглось что-то чужое и страшное. Порылась в лежавшем у очага мешочке с бараньими бабками¹, раскрашенными мальчиками племени в красный и зеленый цвета. Такие бабки раскидывают по любому поводу. И по тому, как они ложатся, дают имена коням, коровам, овцам или якам. Старики же знали, что если их бросить в нужное время и в нужном месте, то они откроют очень многое. Повитуха подняла было руку, чтобы кинуть их, но Есугэй внезапно удержал ее. Она даже поморщилась — с такой силой он схватил ее.

— Он моя кровь, мой маленький воин. Дай их мне, — велел он и забрал у старухи четыре кости.

Она не противилась, оцепеневшая от жуткого выражения на его лице. Даже псы и ястреб замерли. Есугэй бросил кости, и повитуха ахнула, увидев, что выпало.

— Аййй! Четыре коня! Большая удача! Он станет великим всадником. Он будет завоевывать мир, сидя в седле! — закивал с облегчением и гордостью Есугэй.

Он хотел немедленно показать новорожденного сына людям племени и сделал бы это, если бы вокруг юрты не бушевал буран, выскивающий малейшую лазейку, чтобы проникнуть в тепло. Холод был врагом людей, но он же делал их сильными и выносливыми. В такие лютые зимы старики мучаются недолго. Слабенькая детвора тоже быстро вымирает. А вот его сын будет не из таких.

Есугэй наблюдал за крохотным комочком, присосавшимся к материнской груди. У мальчика были золотистые, как и у него, глаза, на свету почти желтые, будто у волка. Оэлун посмотрела на отца ее малыша и кивнула ему. Гордость заглушила все трево-

¹ Бабки — специально обработанные кости нижних надкопытных суставов ног коров, свиней, овец. (Примеч. ред.)

ги. Она была уверена, что кровь — дурной знак, но кости немного успокоили ее.

— Как ты его назовешь? — спросила повитуха у Оэлун.

— Имя моего сына Тэмучжин, — не сомневаясь ни на мгновение, ответил Есугэй. — Он будет железным.

Снаружи по-прежнему неистовствовал буран и, похоже, надолго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Одним прекрасным весенним днем двенадцатилетний Тэмучжин скакал по степи вместе со своими четырьмя братьями. Они неслись в тени горы Делиун-Болдах. Старший, Бектер, мчался на серой кобылице. Великолепный наездник, он целиком сосредоточился на скачке. Тэмучжин приноровился к ходу его коня и поджидал лишь той минуты, когда можно будет обогнать старшего брата. Вслед за ними скакал Хасар, бешено улюлюкая и нагоняя вырвавшихся вперед братьев. Десятилетний Хасар, любимец племени, был столь же весел, сколь мрачен и серьезен был Бектер. Чубарый жеребец фыркал и ржал вслед кобылке старшего брата, что страшно веселило Хасара. За ним галопом неслись Хачиун. Этому восьмилетнему мальчику не доставало открытости, за которую все любили Хасара. Хачиун казался самым серьезным из братьев, даже скрытным. Он говорил редко и никогда не жаловался, как бы Бектер его ни доставал. В обращении с лошадьми Хачиуну не было равных. Он мог заставить скакуна мчаться с невероятной скоростью даже тогда, когда другие лошади уже выдыхались. Тэмучжин через плечо бросил взгляд на Хачиуна. Тот уверенно держался в седле. Казалось, мальчик просто лениво тащится в хвосте, но он и прежде удивлял всех мастерством и неожиданной скоростью, так что Тэмучжин держал ухо востро.

А где-то далеко-далеко позади жалобно кричал самый младший из братьев, умоляя подождать его. Тэмуге слишком любил сладости и безделье, что сказывалось на его ловкости. Тэмучжин усмехнулся при виде пухлого мальчишки, размахивавшего руками в надежде подстегнуть коня. Мать предупреждала, чтобы они

не втягивали младшего в свои шальные приключения. Тэмуге едва вышел из того возраста, когда детей еще привязывают к седлу. И когда он отставал от братьев, то начинал реветь. Бектеру еще придется сказать Тэмуге ласковое словечко.

Мальчишеские голоса далеко разносились по весенней степи. Братья неслись во весь опор. Словно птицы, сидели они на спинах своих низкорослых лошадок. Есугэй гордился их мастерством и однажды назвал сыновей воробьями. Тэмучжин сказал Бектеру, что тот слишком жирный для воробья, а потом целую ночь прятался от рассерженного брата.

Но в этот день все племя было в прекрасном расположении духа. Пришли вешние дожди, реки снова наполнили берега и потекли, извиваясь, по равнинам, где еще вчера была только потрескавшаяся земля. Кобылицы приносили вдоволь теплого молока. Его пили, из него делали сыр и холодный кумыс. На холмах уже пробивалась первая зелень, а вместе с ней появилось предчувствие лета и теплых дней. Это был год курултая. Еще до начала зимы племена соберутся вместе для состязаний и торговли. Есугэй объявил о своем решении, что в этом году семьи Волков отправятся в длительную кочевку, на тысячу миль, чтобы пополнить стада. Мальчишки предвкушали удовольствие, которое принесут им состязания борцов и лучников, и поэтому вели себя как можно лучше. Их воображение больше всего будоражили предстоящие скачки. О них-то они и мечтали, мчась по степи сломя голову. Все мальчишки, кроме Бектера, тайком ходили к матери, Оэлун, и упрашивали ее замолвить словечко перед Есугэем. Все они хотели участвовать в скачках на длинные или короткие дистанции, чтобы заслужить себе имя и всеобщее уважение.

По неписаному закону мальчик, вернувшийся в родную юрту со званием «несравненный всадник» или «победитель коней», займет однажды место отца, когда тот уже не сможет присматривать за своими стадами. Поэтому все сыновья Есугэя, за исключением, конечно, толстяка Тэмуге, не могли думать ни о чем другом. Тэмучжина злило, что место отца должен занять Бектер, словно разница в пару лет так уж важна. Отношения между братьями стали натянутыми, когда старший вернулся, проведя год женихом вне племени — у невесты. Он каким-то непонятным образом вдруг повзрослел. Правда, самым высоким по-прежнему

му оставался Тэмучжин. И новый Бектер оказался не слишком-то веселым товарищем.

Сначала Тэмучжин думал, что это игра, что старший брат только делает вид, будто теперь он стал взрослым. Мрачный юноша уже не говорил первое, что придет в голову. Наоборот, он взвешивал каждое слово, прежде чем оно слетало с его уст. Тэмучжин насмеялся над его невесть откуда взявшейся серьезностью, но вот прошла зима, а брат так и не изменился. Его напыщенный нрав порой казался Тэмучжину забавным, но в глубине души он с уважением относился к рассудительности Бектера. Хотя по-прежнему не признавал его права наследовать юрты и меч отца.

Тэмучжин следил за Бектером, чтобы не позволить старшему брату вырваться вперед. Слишком уж хороший день, чтобы задумываться о далеком будущем. Тэмучжин мечтал, как четверо братьев — а с Бектером пятеро — покажут свою силу и ловкость на собрании племен. Есугэй раздуется от гордости, а Оэлун обнимет всех по очереди и назовет своими маленькими воинами, любимыми наездниками. Даже Тэмуге в свои шесть лет может участвовать в скачках, хотя велика опасность, что он свалится с коня. Тэмучжин нахмурился, когда Бектер обернулся посмотреть, насколько он всех обгоняет. Несмотря на их тайные поползновения, Есугэй еще ни одному не дал разрешения участвовать в скачках.

Оэлун была снова брюхата и уже на сносях. На сей раз она переносила беременность очень тяжело, не так, как прежде. Каждый день ее рвало с утра и вечером — рвало так сильно, что на лице под кожей появлялись маленькие кровавые точки. Ее сыновья вели себя тише воды ниже травы, а Есугэй беспокойно расхаживал по юрте. Наконец хан устал от их опасливых взглядов и напряженного молчания и велел выгулять лошадей, стоявших в течение долгой зимы. Тэмучжину хотелось поболтать с отцом, но Есугэй подхватил его властной рукой и забросил на спину жеребца с белыми бабками. Мальчик кувыркнулся в воздухе, приземлился на спину коня и пустил его вскачь. Белоногий был злым, кусачим зверем, но отец знал, что именно он — любимец мальчика.

Есугэй смотрел, как сыновья садятся на коней, но на его широком мрачном лице не было видно и проблеска гордости. Как

и его отец, он был не из тех, кто показывает свои чувства, особенно перед сыновьями. Нельзя, чтобы мальчишки размякли. Они должны бояться отца. Но порой ему так хотелось схватить мальчишек и подбросить их к небесам! Вот как сильно он радовался тому, что они у него есть. Он знал о сыновьях многое, потому что любил их. Знал, например, кто какую лошадь предпочитает. Однако об отцовских чувствах сыновья могли догадаться только по блеску в его глазах, как и сам Есугэй некогда лишь догадывался, что думает о нем и что чувствует к нему отец. Есугэй ценил воспоминания, потому что трогательные моменты были редкостью. Он помнил ту минуту, когда отец неожиданно-негаданно проворчал нечто одобрительное, заметив, как искусно сын закрепил веревкой тяжелый груз на коне. Это была такая малость, но с тех пор Есугэй вспоминал старика каждый раз, когда затягивал узел, крепко упираясь коленом в тюк. Он смотрел, как мальчики уносятся навстречу яркому солнечному свету, и только тогда, когда они, обернувшись, уже не смогли бы его разглядеть, жесткие черты лица его смягчились. Отец научил Есугэя тому, что требуется от сурового мужчины в суровом краю. И тот знал, что его наследникам тоже придется сражаться с врагами, терпеть голод и жажду, если им вообще суждено достичь возраста мужчины. Только один из них сможет стать ханом племени. Остальные либо будут верно служить ему, либо оставят племя, забрав свою долю коз и овец. Есугэй тряхнул головой, глядя, как клубится пыль, потревоженная копытами пятерых коней. Словно само грядущее нависало над степью, а мальчишки видели перед собой только весну и зеленые холмы.

Солнце ярко сияло на лице несущегося на коне Тэмучжина. Он воспарил духом от быстрой скачки и бьющего в лицо ветра. Впереди кобылка Бектера споткнулась о камень, но быстро выправилась. Старший брат сердито ударил кобылу по голове, но расстояние между ним и Тэмучжином все равно уменьшилось, и тот заулюлюкал, словно собрался обогнать Бектера. Однако время еще не пришло. Он любил вырываться вперед, хотя ему нравилось и подгонять старшего, потому что получал удовольствие, видя, как злится брат.

Бектер здорово вырос, уже было ясно, каким мужчиной он будет — широкоплечим и чрезвычайно выносливым. Проведя

у олхунутов год женихом, он теперь делал вид, что приобрел житейский опыт и знания, и не упускал случая их показать. Это раздражало Тэмучжина, словно заноза в пальце, особенно в те минуты, когда братья засыпали Бектера вопросами о племени, в котором родилась их мать, требовали рассказать об их обычаях. Тэмучжину тоже хотелось это знать, но он мрачно решил, что подождет, когда Есугэй отправит его в другое племя, и тогда сам во всем разберется.

Только вернувшись из племени своей жены, молодой воин считается настоящим мужчиной. Лишь когда у девушки появляется первая кровь, ее с почетом, достойным ее положения, сопровождают в племя мужа. Для нее уже будет готова юрта, и молодой муж будет ждать ее у дверей, чтобы ввести в свой дом.

В племени Волков юноши могли вызвать на борьбу взрослых воинов хана, не дожидаясь того времени, когда их станут считать полноправными мужчинами. И Бектеру тоже не терпелось сразиться. Тэмучжин хорошо помнил тот случай, когда старший брат подошел к костру у юрты Есугэя — там сидели несколько воинов. Спрятавшись в тени, мальчик взирал тогда на брата с благоговейным страхом. Бектер кивнул собравшимся, и трое мужчин встали, чтобы проверить, не размяк ли он, проведя год у олхунутов. Тэмучжин со стороны наблюдал за ними. К нему присоединились Хасар с Хачиуном и тоже замерли, притихли. Бектер боролся со всеми троими мужчинами по очереди, без жалоб и стонов переносил жестокие удары. Последним был Илак. Гора мышц с огромными руками. Он бросил Бектера оземь так сильно, что у того из уха потекла кровь, но после этого, к удивлению Тэмучжина, Илак помог юному борцу встать и протянул ему чашу горячего черного арака. Бектер чуть не захлебнулся жгучим питьем, смешавшимся с его собственной кровью, но воины, казалось, не обратили на это внимания.

Тэмучжин был доволен: на его глазах старшего брата отделили почти до бесчувствия. Но он не мог не отметить, что мужчины у ночного костра теперь без презрения смотрели на Бектера. Отважный юноша почувствовал уверенность в своих силах. Может быть, внешне это было не так заметно, но зато весьма важно для него самого. С тех пор старший брат стал досадной помехой, острым камнем на пути Тэмучжина.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛК РАВНИН. <i>Перевод Н. Некрасовой</i>	5
ПОВЕЛИТЕЛИ СТРЕЛ. <i>Перевод И. Метлицкой</i>	389

Иггульден К.

И 26 Волк равнин ; Повелители стрел : романы / Конн Иггульден ; пер. с англ. Н. Некрасовой, И. Метлицкой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 768 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-21011-0

Тэмучжину, второму сыну хана племени Волков, лишь одиннадцать, но отец его погиб, семья изгнана племенем и, казалось, обречена на гибель без еды и крова. На бескрайних просторах монгольских равнин мальчику придется рано повзреть, научившись противостоять как людям, так и стихии. Глядя, как семья присоединяет к себе чужаков, прирастая силой, Тэмучжин увидел могучую будущность в объединении враждующих племен. Ему суждено сделать это. Он станет подлинным повелителем моря травы, Чингисханом.

Веками племена враждовали друг с другом. Теперь, при Чингисхане — человеке, который живет битвой и кровью, — они объединились в одну нацию. Его армия наводит ужас на противника, растет число его всадников, растет его властолюбие, крепнет легенда о нем. На пути надменный город Яньцзин, высоким стенам которого суждено испытать на себе неистовую дерзость Чингисханова войска, его упорство, пред которым вынужден будет преклонить колени сам император.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КОНН ИГУЛЬДЕН
ВОЛК РАВНИН
ПОВЕЛИТЕЛИ СТРЕЛ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.05.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 48.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

V-88H-29942-01-R